

Андрей Лазарчук

ОПОЗДАВШИЕ К ЛЕТУ

ТОМ II

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Л17

Лазарчук, А.

Л17 Опоздавшие к лету. Том II / А. Лазарчук. — М. :
Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. —
380 с. — (Пальмира / фантастика).

ISBN 978-5-521-73916-5

Андрей Лазарчук — живой классик русской фантастики, ученик братьев Стругацких и создатель собственной литературной школы, лауреат всех основных премий в своем жанре. Однако сам писатель полагает, что его произведения не являются фантастикой как таковой. Определяя собственный художественный метод, он называет его «турбо-реализмом».

«Опоздавшие к лету» — «гипперроман», эпопея в семи частях, описывающая историю мира столь же похожего на наш, сколь и сильно от него отличающегося. Масштабная антиутопия, в которой реальность зависит не только от действий и слов, но и от мыслей и сновидений ее героев.

«Путь побежденных», «Приманка для дьявола», «Жестяной бор». Продолжают эпопею повести, в которых наступившее будущее со всеми своими технологическими чудесами оказывается крайне опасным временем...

BIC FM
BISAC FIC009000

© Андрей Лазарчук, текст, 2020

© Т8 RUGRAM, 2020

© Т8 Издательские технологии, 2020

ISBN 978-5-521-73916-5

ПУТЬ ПОБЕЖДЕННЫХ

Городок был как все попадавшиеся ему на пути, как сотни, а то и тысячи таких вот средних, маленьких, очень маленьких, крошечных и совсем микроскопических провинциальных городков в этой части страны, где и промышленности-то толком нет, и каких-то особенных природных богатств, и где тем не менее люди селятся, чем-то занимаются и живут вполне безбедно: аккуратные домики в один, два, редко в три этажа, садики перед ними, газончики, стриженные кустики, чистые, мощенные камнем тротуары, обязательное приземистое здание тюрьмы на окраине, обязательная стандартная ратуша с обязательными часами фирмы «Берцене», обязательный и тоже стандартный портрет канцлера в типографском исполнении, обязательные полосатые будочки, такие небольшие и такие заметные, — символ порядка и неизменности... Полицейские, будьте добры, где у вас тут отель? Пожалуйста, вот паспорт. Спасибо, полицейские! Что? Простите, сержант, я не знал, что это у вас еще не принято.

Вот и отель, совсем рядом, прекрасно, прекрасно... Прекрасно. Март загнал свой «виллис» на стоянку, за-

глушил двигатель и с минуту сидел просто так, привыкая к неподвижности — к неподвижности собственной и неподвижности воздуха вокруг себя — и к тишине. Медленно, постепенно, очень не сразу прорезались в пространстве смутные, далекие, нечаянные звуки: рваная музыка, видимо из телевизора, шум проехавшей где-то машины, шелест широких липовых листьев да унылый кошачий мяв неподалеку. Март спрыгнул на землю, постоял, прошелся вокруг машины, попинал баллоны. «Виллис» потрескивал, остывая. На заднем крыле блестела глубокая царапина. Март потер ее рукавом. Когда же это я, подумал он. Поцеловался и не заметил. Надо закрасить, а то не ровен час... Он выудил из машины оба чемодана, пригладил как мог растрепавшиеся волосы и пошел в гостиницу. Надо думать, здание ее было построено еще до первой мировой и за эти годы перенесло множество потрясений, включая воздушные налеты и уличные бои, — и теперь стояло на пороге дряхлости. Конечно, полмиллиона, всаженные в реконструкцию, еще могли бы вернуть ему если не молодость, то зрелость, но полумиллионом здесь и не пахло. Пахло кухней, пыльным войлоком и скверной канализацией. Впрочем, выбора не было.

Портье на месте не оказалось. Март поставил чемоданы у стойки и пошел в туалет. Сделав там все дела и умывшись, он вернулся. Портье, молодой долговязый парень со странно асимметричным лицом, сидел на своем стуле, что-то еще дожевывая.

— Привет, — сказал Март, подходя. — Я хотел бы переночевать.

— Только переночевать? — не переставая жевать, спросил портье.

— Пока — только, — сказал Март. — А там поглядим.

— Если переночевать — то пятнадцать динаров, — сказал портье. — На три дня — по двенадцать за день. Больше трех — по десять.

— Да я еще не знаю, — сказал Март. — Найду заказы — останусь, не найду — поехал дальше.

— А вы кто? — спросил портье.

— Художник, — сказал Март. — Роспись по стенам.

— Тогда я не буду вас оформлять пока, — сказал портье. — Идите ночуйте. Завтра, как выясните, подойдете ко мне, я весь день тут буду — тогда и впишу.

— Не понимаю, — сказал Март, — чего ради отказываться от лишней пятерки?

— Так ведь эта пятерка все равно не мне пойдет, — сказал портье.

— Понятно, — сказал Март. — Продолжение вооруженной борьбы иными средствами?

— Что-то вроде, — сказал портье, хихикнув. Одной рукой он снял с крючка ключ — многовато было ключей на щите, отель явно не процветал, — а другой вынул из-под стойки початый бутерброд с колбасой и откусил. — Прошу, — невнятно сказал он.

— Спасибо, — сказал Март, подхватил чемоданы и пошел к лестнице.

— Второй этаж, налево и налево! — крикнул ему вслед портье.

Номер был очень даже неплох, средних размеров и достаточно уютный, старомодный такой номерок. Окно выходило во двор, и прямо под окном — козырек какой-то служебной двери — очень удачно на случай вынужденного отхода, я уже не в той форме, чтобы прыгать с пяти метров. Ладно, хватит об этом, сегодня ничего не будет, и завтра ничего не будет, а там поглядим... Март отмылся под душем, под горячим, жестким ду-

шем, так, чтобы до красноты, до ломоты в ногах и спине, соскреб мочалкой надоевший запах собственного страха, запах загнанности, запах безысходности и безнадёжности, по которому его могла определить любая сучка: как ни держи себя, какие морды ни строй, как ни играй голосом и бровями — запах выдаст... Потом он, еле волоча ноги, дотащился до постели, забрался под холодную хрустящую простыню и закрыл глаза, и вытянулся, и застонал от наслаждения этой прохладой и чистотой, и этим покоем, этим покоем, этим покоем...

Ему ничего не снилось, и сквозь сон он радовался этому. Утром Март проснулся, приподнялся, отвернулся от солнца и посмотрел на часы. Половина седьмого. Пора. Вход в мэрию бдительно охранялся. Пожилой полицейский основательно изучил паспорт Марта, сверил фотографию и задал несколько вопросов («Зачем вам к мэру, сударь?» — «У меня к нему дело». — «Какое дело, сударь?» — «Это вне вашей компетенции, сержант. Впрочем, ладно. Это касается программы привнесения культуры в провинцию». — «Так вы из столицы? Проходите».

Мэр оказался крупным мужчиной с седоватыми моржовыми усами и чуть неуверенными движениями.

— Как мило, как славно! — закричал он сразу. — Тот самый Март Траян! Я вас почти узнал! Я был на вашей выставке — пять лет назад, — это бесподобно! Я собирался приобрести ваши картины для города, но муниципалитет отказался выделить средства. Да вы садитесь, вот сюда, в кресло! Вина? Кофе? Конечно, кофе! Катя, кофе господину художнику! Итак, чем могу быть полезен?

— Это я хотел бы быть вам полезен. К вам весной приезжал эмиссар нашей Ассоциации...

— Понял-понял-понял! Это программа «Привнесение культуры в провинцию», да? Как я сразу не догадался! Вот сейчас только кофе, и я вам сам покажу... Катя! Где кофе наконец? Прибежала секретарша, симпатичная девочка лет восемнадцати, не больше, суетливо расставила чашки, разлила кофе. Кофе оказался просто прелесть, Март выпил его с удовольствием и попросил еще.

— Пойдемте, я покажу вам зал, — мэр повел его по коридорам, по лестнице вниз. — Нам обещали, правда, другого художника, некоего Тригаса, вы его знаете?

— Немного, — сказал Март.

— Но раз приехал сам Март Траян...

— Тригас, может быть, тоже приедет.

— Я никогда про него не слышал, — он хороший художник?

— Очень. Он долго работал в Японии, там его хорошо знают.

— Надо же, на наш городок — и такой десант знаменитостей!

Оказалось, что расписывать надо стены зала для торжественных актов. Общая площадь росписи составляла восемнадцать квадратных метров, и господин мэр, разводя руками, показывал, что примерно он хотел бы видеть. Март рассеянно кивал, соглашался; но уж очень хорошо высвечивались стены зала, слишком четко они образовывали единую ломаную плоскость, и — господи, хоть бы меня не понесло, не подхватило и не понесло, дай мне сил удержаться на уровне средней халтуры, господи, дай мне сил работать только за деньги!..

— Ну что же, — сказал Март. — Все замечательно. Давайте заключать договор.

— Давайте, — согласился мэр. — Я не слишком сведущ в такого рода делах...

— Двенадцать тысяч, — сказал Март, еще раз оглядывая стены. Зал был чертовски хорош. Улыбка мэра стала чуть напряженнее.

— Двенадцать тысяч? — переспросил он. — Динаров?

— Такова цена подлинного искусства, — сказал Март. — Да вы не огорчайтесь — когда все будет готово, вам эти двенадцать тысяч покажутся — тьфу!

— А что — деньги вперед? — осторожно спросил мэр.

— Половину, — сказал Март. — А половину — потом. Справедливо?

— Э-хе-хе, — сказал мэр. — И какой же срок?

Март опять оглядел зал.

— Ну, месяц-полтора. Может быть, два.

— Ладно, — сказал мэр. — В конце концов, программа принята Национальным собранием. Так что черт с ними со всеми... На окончательное оформление договора ушел еще час, и Марту выдали в кассе шесть тугих пачек новеньких — только-только из станка — десяток. Тысячу он оставил на расходы, а остальные, перейдя через площадь на почту, разослал по известным ему одному адресам.

И потекли дни. Пользуясь старыми эскизами, Март наметил композицию, стараясь, чтобы похоже было понемногу на всё (второй закон шлягера: новая мелодия должна походить на три мелодии сразу): на Телемтана, Глазунова, Шерера, на позднего Дюпрэ — когда он выдохся и стал копировать себя раннего. Раньше Март пытался копировать самого себя — это оказалось невыносимо. Это оказалось настолько невыносимо, что чуть не подвело его тогда к самоубийству, и лишь огромным усилием воли он заставил себя жить. Теперь

он даже немного завидовал Дюпрэ — тот, очевидно, поступал так бессознательно, думая, что продолжает зарабатывать свою жилу... Да, пожалуй, только сознание, что ты еще нужен — немногим, но крепко, — да еще презрение к себе помогли ему тогда. Потом он приспособился, хотя и не до конца. Иногда он срывался — или когда невозможно было дальше терпеть, или по рассеянности, как в последний раз. Подумать только — рисунок пером на салфетке... Впрочем, и от меньших пустяков гибли люди, напомнил он себе. Внимательнее, Март!

Однако на третий день он чуть-чуть не сорвался. Он начал пробовать краски, и сразу стало получаться — он поймал цвет. Теперь следовало как можно дольше держаться на гребне волны, на этом непрерывном взлете-скольжении-падении, когда еще ничего не ясно, когда все впереди и понятно только одно — получается!.. Стоп, оборвал он себя. Остынь. Остынь-остынь. Он умылся холодной водой, посидел, потом карандашом пометил, какие участки каким цветом покрывать, и приступил к уроку, к раскрашиванию картинок; потом цветные пятна, слившись вместе, создадут почти то же самое, но это будет уже потом — и почти без его участия.

Любое дело можно разбить на кусочки, на простые, доступные любому операции — и начисто выбить из него дух творчества. Любое, абсолютно любое...

У него постепенно заводились знакомые. Так, в ресторане он подсел — не было больше мест — к столику двух мужчин, незаметно для себя встрял в их разговор и познакомился с ними. Это были местные доктора: городской врач Антон Белью и психиатр из расположенной где-то в окрестностях частной психиатриче-

ской лечебницы Леопольд Петцер. Потом они встречались каждый вечер, но встречи эти и взаимная приятность от них не выходили за рамки, намеченные первой, — когда скользишь по поверхности, ни в какие глубины не заглядывая и не стремясь и душу не раскрывая... Легкий треп, столичные и местные сплетни, анекдоты, женщины — пусть так, думал Март, так даже лучше, потому что появляется отдушина, в которую уходит — пусть не все, но уходит — напряжение, и не просыпаешься ночью от шагов в коридоре. Пусть так.

Еще была барменша Берта, женщина-тяжелоатлетка, которая поначалу косилась на Марта из-за его пристрастия к фруктовым сокам, но потом, как и подобает женщине, вошла в положение («Печень, сударыня. Знаете, как это бывает...» — «Что делать, сударь») и даже удостоила его своим доверием. Через неделю Март считался уже за своего, с ним можно было посоветоваться и по хозяйственным, и по личным проблемам, а их было множество — главным образом с детьми. Через Берту Март узнавал массу интересного о жизни городка. Она знала, видимо, все и обо всех, в характеристиках была остра, но не злобна и для Марта оказалась настоящим сокровищем. Среди прочего он узнал, например, что полицмейстер переведен сюда не так давно из столицы, где был следователем по особо важным делам, за применение недозволенных методов дознания. Это следовало учитывать и быть начеку. Прошло недели две. Работа продвигалась и дошла уже до середины, когда вдруг из ничего, из разрозненных штрихов и пятен возникают предметы и фигуры; Март очень любил эту стадию и, будь его воля, порой на ней бы и останавливался. Когда он работал для себя, то часто так и поступал. Когда по заказу — он так делать не